

К ДИСКУССИИ О ПРОФСОЮЗАХ ⁽¹⁾.

Доклад в Екатеринбурге (Свердловске).

Товарищи, я чрезвычайно рад, что мне удастся по вопросу крайне важному и жизненному для всей нашей партии выступить сегодня перед Екатеринбургской организацией нашей партии, которая справедливо считается одной из самых славных, устойчивых, сплоченных пролетарских организаций, и еще более буду рад, если эта организация поддержит всей силой своего авторитета те взгляды, которые нам с группой товарищей приходится защищать перед нашей партией в последние месяцы.

Вы знаете, товарищи, что в течение последних, можно сказать теперь, двух месяцев внимание не только руководящих кругов, но всей партии приковано к вопросу о роли и задачах профсоюзов. Некоторым товарищам кажется, что внимание к этому вопросу преувеличено. Я слышал голоса в Екатеринбурге и в вашей печати в том смысле, что у нас в порядке дня X партийного съезда стоят восемь-девять крупных вопросов и что поэтому следовало бы вопросу о профсоюзах уделить только восьмую часть, как они говорят, внимания, или девятую часть, между тем на деле наша партия, как мы все это видим, уделяет этому вопросу не одну девятую, а, если говорить в цифрах, то действительно девять десятых внимания. Случайно ли это? Является ли это результатом чьего-либо каприза? Я думаю, товарищи, что сторонники обеих основных точек зрения могут и должны признать, что это не случайно. Это, в самом деле, слишком поверхностное и механическое представление, если сказать, что у нас на повестке X съезда восемь вопросов, стало быть — вопрос о профсоюзах должен занимать одну восьмую внимания. Бывают вопросы, которые требуют к себе больше внимания, чем им полагается при соответственном делении. И вот вопрос о профсоюзах является одним из этих вопросов. Нет такой силы в мире, которая могла бы заставить 500 — 600 тысяч членов партии всех до одного столь горячо и столь страстно интересоваться этим спором, если бы он не был столь жизненным.

В нынешнюю открывающуюся перед нами новую эпоху сам по себе вопрос о профсоюзах заслуживает громадного внимания

потому, что профсоюзы являются поголовной организацией рабочих и служащих. Уже по одному тому, что у нас имеется 7.000.000 хорошо или плохо организованных или хотя бы на бумаге только приписанных к профсоюзам рабочих и служащих, уже по одному этому вопрос этот заслуживает громадного внимания теперь, когда мы входим в полосу хозяйственного строительства. Но в действительности, обсуждая вопрос о профсоюзах, мы — т.-е. вся партия — не по чьей-либо злой воле, а потому, что это неизбежно вытекает из всей обстановки, обсуждаем на деле еще несколько столь же коренных вопросов. Я не стану останавливаться на всех. Я остановлюсь на трех вопросах, которые, на мой взгляд, теснейшим образом связаны со спором о профсоюзах и которые никак нельзя обойти. Эти три вопроса следующие.

Во-первых, вопрос о той роли, какую предстоит играть рабочему классу в новой открывающейся перед нами полосе революции в отношении к крестьянству. Формулируя другими словами, можно сказать, что это — вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством в новую полосу хозяйственного строительства, в ту важнейшую эпоху социалистической революции, у порога которой мы теперь стоим. А может быть, можно даже уже сказать, что мы дверь раскрыли и в новую полосу вошли.

Второй вопрос тесно связан с вопросом о профсоюзах — это вопрос об отношении нашей партии к беспартийным массам рабочих, о способе подхода к ним. Его также можно формулировать коротко, как вопрос о нашей тактике по отношению к беспартийным рабочим и крестьянским организациям опять-таки в ту новую полосу социалистической революции, в какую мы входим.

И третий вопрос, который мы обсуждаем попутно, и вынуждены обсуждать, ибо эти вопросы тесно связаны, этот третий вопрос есть вопрос о новом режиме в нашей собственной партии, о новых порядках, к которым мы должны прибегнуть в виду того, что наступила новая обстановка, — это тот вопрос, который теперь коротко формулируют как вопрос о рабочей демократии в наших собственных рядах.

Эти три вопроса совершенно неотделимы от вопроса о роли

и задачах профсоюзов. И мне кажется, товарищи, что для полноты рассмотрения, для того, чтобы мы могли вдуматься в дело и точно определить степень наших разногласий, нам ни в коем случае не миновать остановиться на этих трех группах вопросов. Сознательно или полусознательно, но всюду и везде, когда вопрос о профсоюзах дискутируется, мы так или иначе наталкиваемся на эти вопросы. Позвольте мне в такой системе и излагать свои взгляды перед вами.

Я говорю: теперь, в настоящую новую эпоху, мы как бы молодеем на три года и возвращаемся к тем задачам, которые поставила Октябрьская революция в 1917 г., — мы не могли тогда приступить к их решению, в силу того, что мы должны были три года воевать за самое существование Советской власти, — теперь мы подходим к хозяйственным задачам, к тем задачам, во имя которых делалась революция (ибо народ, миллионы людей делали революцию не для того, чтобы воевать, это были неизбежные издержки производства, а делали революцию для того, чтобы приступить к налаживанию хозяйства на новых началах). Теперь мы к этой задаче вплотную приступаем. И, приступая к ней, мы, как партия, руководящая рабочим классом и через него и всей революцией, мы должны поставить перед собою вопрос: не изменяет ли подход к новым задачам в новой обстановке взаимоотношений пролетариата и крестьянства — двух основных сил в нашей революции, не меняется ли в чем-либо положение? Разумеется, в основном, взаимоотношения остаются старыми: пролетариат остается гегемоном, диктатором, вождем нашей революции. Но он должен теперь учесть тот несомненный факт, что руководство многомиллионной массой крестьянства сейчас натолкнется на некоторые новые трудности. Мы их ощущаем уже на каждом шагу, ощущаем, к сожалению, и в Екатеринбургской губернии в связи с нашей продовольственной политикой, которая диктуется голодом в городах, и с целым рядом других обстоятельств.

Но дело тут не в отдельной губернии, а вот в чем. В течение трех лет войны крестьяне в массе своей стояли перед прямым и довольно простым выбором. Крестьянин видел на одной стороне коммуниста, организатора красной армии, который требовал

от него больших жертв, требовал от него миллионов людей по мобилизациям, громадного количества хлеба, требовал от него подводную повинность, лошадиную повинность и целый ряд других повинностей. Крестьянин поэтому, разумеется, не так чтобы очень радушно относился и к нам. Вы помните, что крестьянин не сразу нас поддержал, и в целом ряде областей России он делал даже прямые попытки прикинуть, не будет ли «стоить дешевле» Колчак. И вы помните прекрасно, как на Урале и в целом ряде других мест значительные группы крестьян сначала присматривались, приценивались, держали как бы «нейтралитет», иногда даже поддерживали белогвардейцев, потому что мы требовали достаточно серьезных жертв. Но выбор крестьянин в конце концов сделал в нашу пользу — потому что рядом с коммунистом, организатором красной армии, требовавшим от крестьян многих жертв, вырисовывалась определенно и наглядно другая фигура: фигура царского генерала под ручку с помещиком, который только выжидал момента, когда он сможет вернуться на «свою» землю. Всякий толковый крестьянин соображал: если он не поддержит теперь коммуниста, несмотря на его требовательность, то... то завтра победит царский генерал и будет восстановлено помещичье землевладение.

Война с этой стороны, как это ни странно звучит, обучала нас делу руководства крестьянством; война стоила невероятных жертв, но в этой области создала обстановку такую, которая подхлестывала крестьянина, заставляла его идти в нашу сторону. Теперь наступает в этом отношении новая обстановка.

Крестьянин чувствует — и это правда — что на ближайшее время, по крайней мере, непосредственной опасности восстановления помещичьей власти нет. Перед ним нет по близости этой ненавистной фигуры царского генерала и помещика-крепостника, которую он недавно видел совсем поблизости.

Но зато перед крестьянином попрежнему стоит коммунист, который и теперь требует тоже трудных жертв, требует от него больших повинностей. У крестьянина происходит и неизбежно будет происходить известная переоценка ценностей. Мы распускаем не одну сотню тысяч красноармейцев в деревни по демобилизации. Значительная часть красноармейцев, попавших в деревню, станут организаторами новой деревни. Мы уверены, что товарищи, которых партия мобилизует теперь для посевной кампании, сумеют вместе с демобилизуемыми красноармейцами

стать организаторами новой работы в пользу Советской власти в деревне. Вместе с тем мы не можем скрывать того, что значительная часть демобилизуемых принесет с собою в деревню критику по отношению к Советской власти, недовольство по отношению к Советской власти; в глубинах среднего крестьянства будет происходить известная переоценка ценностей. У крестьян часто вы можете констатировать теперь настроение такое, будто уже вся борьба закончена, а сейчас происходит-де окончательная дележка, и крестьянин должен позаботиться, как бы городской рабочий не получил слишком много в дележке, а крестьянин не остался бы в накладе. Это такие трудности, которые наша партия разрешит и с которыми революция справится и выйдет из них окрепшей, но все же эти трудности необходимо учесть для того, чтобы с ясным пониманием задач войти в новую эпоху, когда надо перестраивать ряды партии так, как это нужно для нынешней обстановки.

Подходя под этим углом зрения, мы говорим, что профсоюзы при данной обстановке получают большое значение, как беспартийная организация всего пролетариата, — еще гораздо большее значение, чем когда бы то ни было до сих пор. Нужен какой-то рычаг, посредством которого мы будем поворачивать громадную, многомиллионную, часто неграмотную, темную, неорганизованную, рыхлую крестьянскую массу. Где такой рычаг? Наша партия — авангард рабочего класса, это передовой отряд. Где та широкая база, которая даст возможность решить задачи, стоящие перед нами? Эта база — профсоюзы, которые по идее своей являются поголовной организацией пролетариата.

Вы видите, из этой основной общей предпосылки вытекают крайне важные для нас практические выводы, непосредственно приводящие нас к тем спорам, вокруг которых идет жаркая борьба в наших собственных рядах. При такой обстановке, когда крестьянин будет переоценивать ценности, когда центр тяжести переносится на экономику, на хозяйство, и когда мелкий хозяйчик гораздо более будет склонен воспринимать диктатуру пролетариата как обузу, чем тогда, когда дело шло о закреплении за крестьянином помещичьей земли, — теперь для пролетариата, как для руководящей силы революции, наступают новые трудности. И пролетариату необходимо прежде всего иметь свою особо-прочную пролетарскую базу, при помощи которой он сможет руководить десятком миллионов людей. И этой базой

могут быть только профсоюзы, поскольку дело идет о поголовной массовой организации, — только профсоюзы, разумеется, руководимые нашей партией.

Я перехожу ко второму моменту, — к вопросу о том, каково должно быть наше отношение к беспартийным организациям вообще и, в частности, в данный период. Разумеется, мы имеем, как партия, достаточно опыта на этот счет. Мы в течение трех лет революции проделали десятки, сотни, тысячи беспартийных конференций, мы научились подходить к беспартийным рабочим и крестьянским массам. Но именно сейчас, когда мы должны видеть все в свете новой эпохи, мы должны быть крайне осторожны насчет того, чтобы не совершить каких-нибудь ошибок, или мелких ошибочек в вопросе о подходе к беспартийным рабочим организациям, каковыми являются профсоюзы. Всякий, кто знает историю нашей партии, вспомнит, что мы не сразу нашли достаточно верное отношение к беспартийным рабочим организациям. Я приведу только два примера. Товарищи, давно участвующие в нашей партии, вспомнят, как во время революции 1905 г. мы были настолько неопытны в этом вопросе, что у нас в Петрограде, когда зарождался первый Совет Рабочих Депутатов, далеко не все большевики поняли его значение и, благодаря этому, выпустили на первое время руководство Советом из своих рук. Это стоило партии довольно дорого. Большевизм исправил скоро эту ошибку, но ее не надо забывать. Наша партия, тогда более узкая и менее опытная, чем теперь, недостаточно одевала в тот момент значение такой беспартийной массовой организации, как Совет. Товарищи говорили: что же, зачем мы пойдем в беспартийную организацию, мы, испытанные революционеры, будем участвовать в какой-то беспартийной каше, да мы в ней потонем и т. п. Мы теперь видим, что это было ошибочно, но это факт, это было в истории нашей партии.

То же до известной степени было и с профсоюзами. Более старые работники нашей партии вспомнят, конечно, что после 1905 г., примерно, в 1907 — 10 г.г., было целое течение в нашей партии, которое неправильно понимало наше отношение к беспартийным массовым рабочим организациям, не хотело участвовать в профсоюзах, говорило: что же мы будем заниматься

мелочами, мы, соль земли, мы, большевики, мы, последовательные революционеры, мы имеем определенную программу, и зачем мы пойдем в беспартийную организацию! Верно, конечно, что мы, коммунисты — «соль земли», лучше нашей партии нет ничего на свете и быть не может; но тем не менее это была крупная ошибка, которая стоила нам очень дорого. Этой ошибки мы тоже не можем забыть. Мы видим в истории нашей партии на протяжении нескольких лет две крупные ошибки в вопросе об отношении к беспартийным организациям. Это были ошибки сектантства, пусть «бунтарского», но сектантства. Это были ошибки, которые надо было долгой борьбой исправить. Если вы вспомните вкратце историю нашего профессионального движения, вы установите вместе со мной, что меньшевики в профсоюзах долгие годы были сильнее нас. Впервые в январе 1918 г. после свержения капитализма в России мы вырвали профсоюзы из рук меньшевиков, да и то они (вместе с с.-р. и друг.) имели около одной трети на I съезде профсоюзов⁽²⁾. Мне кажется, кроме всех других более коренных причин, это обстоятельство объясняется тем, что в партии не сразу было установлено правильное отношение к беспартийным рабочим организациям, мы отдавали меньшевикам эту область некоторое время, не считая ее достаточно важной именно потому, что не имели достаточно опыта, не достаточно понимали, что партия сильна постольку, поскольку она может быть в гуще миллионов, поскольку она берет в руки те организации, которые миллионами людей создаются. И теперь, когда мы вновь намечаем тактику на длительный период времени, мы должны вникнуть в вопрос о взаимоотношениях нашей партии с беспартийными рабочими организациями.

Думается, что если бы мы условились с самого начала насчет того, что в вопросе об отношении партии к беспартийным рабочим организациям необходима максимальная осторожность, выдержанность, громадная бережность; если бы мы вспомнили ошибки 1905 и 1907 — 1910 годов; если бы мы условились, что на нынешнем перекрестке дорог, на повороте к новой эпохе мы должны проявить в десять раз больше осторожности и бережного отношения к беспартийным организациям, — тогда многое в нынешних наших спорах о профсоюзах отпало бы, тогда не было бы «налетов» на профсоюзы, не было бы поспешного экспериментирования, т.-е. не было бы легких попыток

делать опыты, не было бы слишком легкомысленного отношения к такой организации, которая как-никак обнимает несколько миллионов человек. Мне думается, что в наших спорах мы спорим именно о том, как партия, организованное меньшинство рабочего класса, должна уметь руководить громадными беспартийными организациями. Нас в нашей партии полмиллиона человек. Эти полмиллиона концентрируют в себе опыт, разум рабочего класса, его мысль. Только поэтому мы можем руководить громадной страной. Но мы не имеем права забывать, что нас на более чем стомиллионную страну всего пятьсот тысяч человек, и малейший шаг, который приводит к тому, что мы будем не «срачиваться» с многими миллионами, а отделяться, есть гибель революции. Хорошо сказал на днях в Вятке один рабочий, который привел следующий пример. У нас для того, чтобы делать стальные топоры, слишком мало стали, поэтому никогда не делали всего топора из стали, а только жало. Это стальное жало — наша партия. Остальной металл — беспартийные рабочие. Сравнение совершенно верное. Если жало отпадет от всего топора, если бы спайка была недостаточно крепкая и надежная, само собой понятно, — что и сталь пропала бы и из всего топора ничего бы не вышло. Это образное сравнение великолепно выражает то, что мы должны помнить каждый день и каждую минуту: нас полмиллиона на громадную страну, мы маленькая горсточка в среде 150 миллионов людей. Конечно, на нашей стороне история, наука, знание, общественное развитие и организация. Но горе, если бы мы вздумали, что эта маленькая горсточка (конечно, мал золотник — да дорог), что этот «золотник», что наша партия по отношению к семимиллионной организации профсоюзов может сделать любой эксперимент и что можно решать с налета любой вопрос продвижения. Вот почему, говоря о профсоюзах, мы должны вспомнить наши первые ошибки в вопросе об отношении к беспартийным организациям, мы не должны их повторять. Мы должны помнить, что мы маленькое меньшинство в стране, как коммунисты, и мы должны маневрировать так, чтобы с массовыми рабочими организациями не получилось ни малейшей щели, не получилось напряжения. Если бы профсоюзы и были неправы, как это изображают, то и тогда мы, памятуя, что эта организация массовая, многомиллионная, должны подходить к их ошибкам и слабостям так, чтобы не выходило, что сталь отпадает от всей остальной части топора.

И, наконец, третий вопрос, который сопутствует нашим спорам и от которого никуда нельзя уйти. Это — вопрос о рабочей демократии в нашей собственной партии. Некоторые товарищи в пылу дискуссии говорят, что этот вопрос, дескать, вытаскен сознательно для того, чтобы облегчить свою позицию, чтобы разжечь страсти и т. д. Мне кажется, подумавши хладнокровно, всякий признает, что ничего подобного нет. Этот вопрос становится рядом с вопросом о профсоюзах не искусственно, не потому, что тот или другой полемист считает, что для полемики это будет удобно, а это вопрос самой жизни.

Два слова, как этот вопрос возникал в нашей партии. Как только мы стали подходить к окончанию войны, мы почувствовали, что наступают новые времена. В партии росло известное недовольство, оно отражалось и в ЦК. На то и ЦК, чтобы чувствовать, что делается в партии и поправлять. Впервые вопрос был поставлен т. Преображенским и другими товарищами, затем мною, потом ЦК в целом, и в августе истекшего года появилось известное письмо ЦК нашей партии о рабочей демократии, о «верхах и низах», о большем равенстве в партии, о большей свободе критики и т. д. ⁽³⁾. Я слышал, в вашей дискуссии это письмо играло большую роль и, судя по некоторым документам, по резолюции совещания секретарей, вещи неправильно оценивались ⁽⁴⁾. Наши оппоненты изображали дело так, будто это письмо есть порождение паники ЦК, будто бы в испуге перед недовольством в партии ЦК потерял голову и стал отказываться от старых испытанных методов.

В сентябре истекшего года состоялась партийная конференция, где мне довелось выступать докладчиком. Эта конференция единогласно одобрила августовское письмо ЦК и приняла целый ряд решений по вопросу о рабочей демократии, об оживлении рабочих организаций. Конечно, все эти решения не могли в течение четырех месяцев быть проведены полностью в жизнь, но, во всяком случае, эти решения, эта резолюция достаточны для теперешнего времени. Более подробные, деловые и правильные указания на этот счет едва ли мы могли выработать. Вопрос о рабочей демократии, стало быть, был поставлен в сентябре, подписан по всем организациям и теперь, в связи с нашими спорами о профсоюзах, всплывает еще раз совершенно неизбежно. Сторон-

ники платформы «десяти» являются вместе с тем горячими сторонниками того, чтобы решения сентябрьской конференции проводились не за страх, а за совесть, и в первую очередь применялись в области массового профессионального движения, чтобы рабочая демократия была бы принята полностью и применялась в области всего нашего строительства. До сих пор в партии, в союзах и в советах не очень придерживались демократизма, наполовину отказывались от правильных выборов в партии, в союзах и в советах. И смешно было бы огорчаться. Когда была война, нам было не до демократии. Всякий рабочий и крестьянин коммунист понимал, что было бы простой демагогией в такой момент приставать к партии: дай мне последнее слово демократии. Это было невозможно в то время, когда вода подступала к горлу, когда нам надо было справляться с Колчаком, с Деникиным и т. д. Партия налагала на себя добровольно ту дисциплину, которую назвала «железной» и которую один белогвардейский генерал назвал, не без основания, «адской». Да, была у нас «адская» дисциплина. И если бы повторились такие времена, как были, мы опять-таки применили бы «адскую» дисциплину, мы перевели бы все на военное положение, ибо прежде всего надо победить буржуазию. Но когда наступила новая эпоха, долг наш был не ждать, пока ЦК-ту напомним, что теперь наступают новые времена и — давайте-де применять рабочую демократию; наш долг был не ждать, чтобы нас тянули за волосы к этой демократии, чтобы дали нам толчка; задачей руководителей партии было сказать всей партии: товарищи, когда наступает известная передышка в гражданской войне, когда мы переходим на другой фронт — на хозяйственный фронт — то тут встают новые задачи, которые по-новому надо решать. И тут нам привлечь десятки миллионов рабочих рук невозможно без применения самым широчайшим образом методов рабочей демократии.

Вы видите, товарищи, что вопрос о профсоюзах связан с рабочей демократией не только в мозгу того или другого полемиста, но связан хронологически и логически так, как вопрос действительно стоит в жизни. Ни в коем случае нельзя решить правильно спор о профсоюзах, не решив и этой проблемы.

Таким образом, товарищи, мы видим из оценки трех крупнейших вопросов, связанных с профсоюзами, какую массу важнейших вопросов всей эпохи мы обсуждаем теперь, диску-

тируя о роли и задачах профсоюзов. Это вопросы судеб нашей революции. Маленькая ошибка в каждом из этих вопросов может стоить чрезвычайно дорого партии. Тов. Ленин даже заявил, что может стоить головы партии. Вот откуда та страстность в обсуждении, которой вы являетесь свидетелями и которая многим из вас, заваленным практической работой, кажется порою непонятной и излишней. Эта страстность явилась в результате того, что ходом революции поставлено несколько вопросов, которые партия должна решить правильно, под страхом того, что иначе она потерпит жесточайший урон. Вот откуда эта страстность спора. И необходимо, чтобы по этому вопросу высказалась вся партия, чтобы в первый раз мы применили действительно на деле методы рабочей демократии, т.-е. дали бы возможность самой партии, всем ее членам высказаться, сказать свое мнение по этому вопросу.

*
*
*

Теперь я перейду непосредственно к вопросу о профсоюзах. Вы знаете, что наши друзья, с которыми мы сейчас резко полемизируем, иногда даже называя друг друга «противниками» (я получил недавно записку: почему «вы называете» т. Троцкого противником? Вопросавший товарищ понимал, повидимому, в буквальном смысле это слово. Ничего подобного, конечно, нет. Мы «противники» в данном вопросе, потому что мы предлагаем различные решения по данному вопросу, а партия соберется и решит, и ее решение будет обязательно для нас всех), — так вот, товарищи, с которыми мы спорим, полагают, что профсоюзы должны-де в нынешнюю эпоху подойти ближе к производству, должны-де они начать более тесно «сраживаться» (это модное словечко) с хозяйственными государственными органами. Совершенно ясно, мы должны требовать от профсоюзов, чтобы они подошли ближе к хозяйству. На этот счет не может быть сомнения. И здесь на 0,99 бьют мимо цели те товарищи, которые, как нечто новое, преподносят формулу, что нужно быть хозяйственниками, производственниками и т. д. Мне случилось принимать активное участие во всех дискуссиях по этому вопросу, пришлось выслушать целый ряд товарищей различного темперамента, возраста и т. д., но все товарищи, являвшиеся противниками платформы «десяти», в этом вопросе делают одну

и ту же ошибку. Одни из них более талантливо (когда это делает Троцкий, то нередко заслушаешься), другие гораздо менее талантливо, но делают то же самое. Они перед аудиторией партийной или профессиональной произносят спич, торжественную речь в честь производства, в честь поднятия хозяйства. У Троцкого это звучит иногда как «Песнь о соколе» у Горького, — песнь в честь поднятия производства. Если песнь поется талантливо — слушаешь с наслаждением, аплодируешь. Когда же это делается неуклюже, как я на днях слышал в Перми, тогда значительная часть собрания смеется. Но к вопросу о наших спорах это и в том и в другом случае имеет мало отношения. Каждый сознательный член партии поддержит ту мысль, что хозяйство есть главное, что хозяйственный фронт — это основное. Эту мысль мы внушаем и неграмотному крестьянину, чтобы он это понял, чтобы советский крестьянин от нас воспринял, что профсоюзы должны ближе подойти к производству.

Вот почему на всякие попытки, которые я предвижу и на этом собрании, перенести центр вопроса, начать стучать в открытую дверь, доказывать, что нам пужны хозяйственники, производственники, — я отвечаю снокойно ссылкой на резолюцию I всерос. съезда профсоюзов от 1918 года⁽³⁾. Все мы знаем, что уже с 1918 г., с общего согласия всей партии, признана необходимость перестройки всех профсоюзов для дела хозяйства. Если бы дело шло только о том, что надо согласиться, чтобы подойти ближе к хозяйству, ближе к производству, то на этот счет не было бы никаких споров. Я понимаю наших рабочих, политически искушенных рабочих, которые, когда слышат даже самую вдохновенную «Песнь о Соколе» по вопросу о поднятии производства, иногда скучают, а иногда улыбаются себе в бороду. И как же им не улыбаться? Нашему брату — интеллигенту, который сам производства не видел как следует, не принимал непосредственного участия в нем, кажется иногда ни весть как ново: приду и просведу их, что без хозяйства мы все поголовно останемся без сапог, без гвоздей и т. д., приду и докажу им, что надо быть «производственником». Кому-нибудь из нашего брата интеллигента это может показаться и новым, но рабочему, настоящему рабочему, на котором держится наша партия, это вовсе не ново. Он сам рабочий, его отец рабочий, его дед был рабочий, он десятки лет на заводе, он знает отлично, что без производства мы погибнем, он в свое

производство и без того влюблен, он отдает ему все, он скучает без него. Я видел недавно в горячих дежах Путиловского завода стариков рабочих, которые на производстве ходят в обмотках, ибо сапог нет. Может случиться так, что человек поскользнется и этот мешок на ногах зажжется, человек может погибнуть и никто даже не услышит. И, несмотря на эти условия работы, производительность труда поднялась по сравнению с 1918 годом. Представьте себе агитатора, который читался тезисов тов. Троцкого и начинает напевать эту «Песнь о Соколе», — рабочий или смеется, или отмахивается, как от досадливой мухи.

Мы сделали недавно опыт в Петрограде и послали около 300 ответственных работников на фабрики и заводы, на производство. И все они говорят в один голос, что производительность на заводах больше, чем была в 1918 году. Производительность в смысле старательности рабочего поднялась. Конечно, результаты труда иногда меньше, чем в 1918 г., потому что не хватает необходимых инструментов, топлива, сырья, крыши протекают в мастерской, — вы сами знаете, в какой обстановке приходится теперь трудиться. Результаты труда меньше, но желание работать, старательность, усилия больше. И если мы при такой обстановке приходим к рабочему с песней о производственниках, хозяйственниках, то не попадаем ли мы в смешное положение?

Как должны мы теперь поднять производство? Мы должны дать план, а не утопать в тех фразах, которые пытаются выдать за суть наших разногласий. Я думаю, что Екатеринбургская — возмужалая и опытная — организация, знающая историю партии и профсоюзов, отдает себе отчет в том, что вопрос не в этом. Товарищи, может быть, скажут, что все принятые в 1918 г. и позднее резолюции — это остается только на бумаге. Я отвечу: то, что предлагается здесь нашими противниками в дискуссии, тоже сводится к тому, чтобы принять резолюцию. Пока идет дискуссия, дело ничем другим не может кончиться. Во-вторых, я скажу следующее. Само собою понятно, резолюции предшествовавших партсъездов по вопросу о профсоюзах далеко не проведены полностью, мы только приступаем к их проведению, мы у порога дела — ибо мы до сих пор воевали. Но я утверждаю, что и во всех других отношениях мы находимся только у самого порога дела. Профсоюзы выходят из этого кризиса, выходят из гражданской войны безусловно помятыми, ослабленными

точно так же, как и все другие наши организации. Было бы чудом, если бы было иначе. Да, профсоюзы за эти три года совсем мало занимались производством, но уж совсем не так мало, как изображают.

В каком положении застаем мы профсоюзы после трехлетней столь тяжелой гражданской войны? Мы вообще сейчас заняты тем, что просматриваем наш инвентарь, наш рабоче-крестьянский инвентарь живой и мертвый — после того, как в общем и целом прошла — будем надеяться, надолго — военная гроза. Мы в сентябре 1920 г. произвели хороший досмотр в партии, мы приняли ряд определенных решений, которые надо теперь проводить в жизнь. На партийном съезде мы повторим этот досмотр и проверку. В декабре 1920 г. в советском аппарате мы тоже сделали проверку, мы на съезде Советов перед всем миром поставили вопрос о борьбе с бюрократическими болезнями. Теперь мы пересматриваем наш инвентарь в профсоюзах. Что мы застаем после трех лет? Масса прорех, слабостей, местами профсоюзы почти не существуют, — это нечего скрывать от себя. Но из этого вовсе не вытекает тот неправильный подход, который мы видим у тов. Троцкого и его единомышленников. Профсоюзы крайне ослаблены — в результате чего? Вспомните, сколько раз вы обращались к [вашему, мы в Питере — к нашему, в Москве — к московскому, а ЦК — к Всероссийскому Совету профессиональных союзов и говорили: товарищи, закройте 0,9 ваших отделов, повесьте замок на ваших отделах и т. п., как говорил тов. Ленин, а ключ спрячьте подальше и пошлите ваших людей на фронт. Так мы и делали. И союзы это делали, потому что они плоть от плоти рабочего класса, они понимали, что это правильная мысль. Мы могли бы создать великолепный аппарат тарифно-нормировочный, и все винтики и колесики в нем вертелись бы прекрасно, но в это время случилась бы мелочь: пришел бы Колчак и сел бы на трон. Хороши мы были бы тогда с тарифно-нормировочным отделом? Это все союзы великолепно понимали и все силы отдавали на фронт. У нас были случаи в петроградской правитке, когда во время польского похода союз металлистов, главный союз, четыре месяца оставался без председателя, т. е. без головы. Почему? Потому что все сколько-нибудь значительные силы были посланы на фронт — с общего согласия партии и профсоюзов. Не в лучшем положении находились союзы в целом ряде городов. Вот откуда та организационная сла-

бость, которую мы видим теперь в профессиональном движении. Мы все до сих пор занимались только военной промышленностью, все силы надо было отдавать только военной промышленности, мы «грабили» союзы и обирали их.

Союзы за 1919 г. отдали на пропускные пункты сверх всякой мобилизации 79.000 слишком человек, в продовольственные отряды 33.000, в школы красных курсантов десятки тысяч. Могут сказать, какое же отношение это имеет к производству? То отношение, что, если 80.000 отдают на фронт, то их не хватает в производстве, в организационном аппарате профсоюзов, в хозяйственной работе, их отсутствие чувствуется на каждом шагу. Вот почему мы, как партия, подходя к новой эпохе, должны были понять, что все слабости профсоюзов объясняются, или значительная часть их объясняется условиями гражданской войны. Мы не могли делать набегов, предъявлять союзам шейлоковский вексель: «почему-де того и этого не выполнили», а должны были внимательно отнестись, посмотреть, в каком положении союзы находятся. Худо или хорошо, но союзы свой характер массовых организаций, объединяющих поголовно весь пролетариат, сохранили. Подход тов. Троцкого и его единомышленников был не таков. Тов. Троцкий в своей платформе «безжалостен» к союзам. Он говорил о «кризисе», который они-де переживают, и проч. Мы не могли с этим подходом согласиться. Не в том дело, что кто-либо «обидел» союзы, а в том, что самый диагноз был поставлен неправильно, определение болезни было неправильное. Если надо человека лечить от переутомления, я его лечу по-одному, а если он хромает на обе ноги, слеп на один глаз, легкие у него плохи, и вообще его организм переживает тяжелый «кризис», то его надо лечить по-иному. Профсоюзы больны и слабы в результате трехлетней гражданской войны — это одно; а когда нам говорят: «идейная сумятица», «топтание на месте», «неопределенность стоящих перед союзами задач» и т. д. — это совсем другое. Из первого положения вытекает, что надо дать больше людей, надо, чтобы партия своим авторитетом подтвердила то, что она сказала в 1918 г. — что нужно перестроить ряды. Из второго диагноза вытекает, что нужно делать крутой поворот, что нужно приступить к «перетряхиванию» союзов.

Я знаю, это слово «перетряхивание» теперь вызывает возражения, говорят, что никогда не предлагали никакого перетряхи-

вания и т. п. К сожалению, это не так. Я думаю, всякий из вас, кто читал тезисы т. Троцкого, видит, что они насквозь проникнуты перетряхиванием, попыткой сверху сделать опыт и в два счета «разрешить» кризис. Я хотел бы привести свидетельские показания двух товарищей. Одного, может быть, отведут, как пристрастное лицо: это тов. Ленин. Он в этом споре не беспристрастен, так как защищает определенные тезисы, но зато, мне кажется, его мнение достаточно веское, несмотря на то, что он одна из сторон в споре. Не из любви к полемике станет тов. Ленин преувеличивать разногласия — с кем? — с тов. Троцким!

В своей брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» (эта брошюра теперь у вас более распространена, до сих пор у вас литература нашего направления была не в большом почете) — тов. Ленин говорит следующее: «Тов. Троцкому теперь кажется, что приписывание ему политики «перетряхивания сверху» «представляет собою чистейшую карикатуру» (Л. Троцкий: «Ответ петроградским товарищам» в «Правде», № 9, от 15 января 1921 г.). Но словечко «перетряхивание» является настоящим «крылатым словечком» не только в том смысле, что, будучи сказано тов. Троцким на V Всероссийской конференции профсоюзов, оно «облетело» уже, так сказать, и партию и профсоюзы. Нет. Оно остается, к сожалению, верным и по сей час в гораздо более глубоком смысле». Да, товарищи, это, к сожалению, совершенно неоспоримо. Всякий иностранный коммунист, если перевести ему нашу литературу, если даже он не знает обстановки нашей борьбы, если он не будет знать, кто авторы, он скажет, прочитав этот документ, может быть, не сразу переведет, это не легко переводимое слово «перетряхивание», но если он захочет выразить суть, сущность брошюры, он найдет слово очень близкое к этому «перетряхиванию», именно — в недопустимом подходе к массовым беспартийным организациям.

Это заявление одного из свидетелей, которого, повторяю, может быть, отведут.

Приведу мнение другого товарища, более близкого к позиции тов. Троцкого и теперь целиком к ней присоединившегося, — мнение всем известного и всеми любимого тов. Бухарина, который теперь целиком примкнул к платформе тов. Троцкого. Тем не менее, в брошюре, которая называется «О задачах профес-

сиональных союзов», изданной Бюро Цектрапа в Петрограде, он в своей речи, произнесенной 3 января 1921 г. (просмотренной тов. Бухариным), говорит на стр. 5 своей брошюры следующее: «Первоначально тов. Троцкий формулировал так, что нужно сменить руководящий состав профсоюзов, нужно подобрать соответствующих товарищей и пр., а еще раньше он стоял даже на точке зрения «перетряхивания», от чего он отказался сейчас, и поэтому совершенно нелепо выставление «перетряхивания» в качестве аргумента против тов. Троцкого».

Отказался ли тов. Троцкий от этого? Я думаю, что нет! На наши вопросы на собраниях он большею частью отделывается шуткой, говорит, что буфер на то и буфер, чтобы напугать. Тов. Троцкий говорит: меня Бухарин спросил однажды: «Вы отказываетесь от перетряхивания?» Я сказал, что никогда не стоял за перетряхивание. Поэтому Бухарин решил, что я отказываюсь. «Бухаринское показание» — это показание человека, пристрастного не в нашу сторону, а в сторону тов. Троцкого. Тов. Ленин говорит, что политика перетряхивания была, мнение Бухарина — что она была и прошла. Тем лучше, мы скорее споемся на партийном съезде. Но поскольку мы критикуем платформу, как она зарождалась, — вот вам свидетельское показание, чрезвычайно веское, товарища, настроенного благопринятно к платформе тов. Троцкого, который признает, что перетряхивание было. Вот почему мы не могли присоединиться к этой политике.

Мы считаем, что как бы то ни было, но перетряхивать профсоюзы, насчитывающие 7 миллионов человек, нельзя. Мы говорим: да, сейчас в профсоюзы записывают оптом, гуртом заводские комитеты по постановлению общего собрания, а иногда и без постановления, членские взносы делают скрежеща зубами и ругая нас, — конечно, надо добиться, чтобы это было по-инному, чтобы каждый сознательно участвовал в союзе. Да, сейчас в профсоюзах много слабостей, неясностей, ошибок и т. д. Было бы чудом, если бы этого не было. Мы легально существуем всего три с половиной года. Это — минута в истории рабочего движения. Конечно, много слабостей еще, но подойти к профсоюзам с политикой, которая названа «перетряхиванием», нельзя; это значит в корне подсесть то дерево, на котором мы сидим, это значит нанести жесточайший удар профсоюзам, оторвать партию от массового профессионального движения.

В тесной связи с этим стоит вопрос о «сращивании» и вопрос об огосударствлении профсоюзов. Словечко «сращивание» стало столь же модным, как и «производственник» и «хозяйственник». Нам говорят: давайте «сращивать», без этого крышка и гибель. И когда мы не соглашаемся с этим сращиванием и говорим, что надо десять раз подумать, раньше чем начать сращивать, что надо сказать точно, какое сращивание (не отвергая его в принципе, ибо оно на деле проводится три года), — нам отвечают чуть ли не так, что погибнет партия, останутся железные дороги, заглохнет хозяйство, восстанут крестьяне тамбовские и сибирские — и главное их требование: сращивание профсоюзов.

Тов. Ленин держался того мнения, что о сращивании следовало бы помолчать, а некоторые думали, что необходимо побольше кричать. Теперь, во всяком случае, помолчать не удастся и приходится подробно поговорить. И мы держимся того мнения, что профсоюзам для того, чтобы они сохранили свой характер массовых организаций, обнимающих весь пролетариат, надо крайне осторожно давать те или другие хозяйственные поручения, как мы уже делаем в области прозодежды, тарифов и т. д., но ни в коем случае не надо торопиться с каким бы то ни было оформлением официальной связи их с нашими государственными органами. Я буду дальше говорить о школе коммунизма и поясню это подробнее. По-моему, одно противоречит другому. Мы стоим против того, чтобы ускорять «сращивание». Скажу опять словами ижевского токаря, который сказал в Вятке: «сладкого надо понемногу».

Одно из двух: если мы имеем несколько миллионов человек в профсоюзах и хотим их еще расширить, если мы хотим проникнуть в деревню и начать постепенно вводить в профсоюзы значительные слои сельского пролетариата и приблизить к ним сельскую бедноту, если мы хотим черпать в профсоюзы новые сотни тысяч и миллионы, то нельзя тут же «сращивать» с хозяйственными органами мало-воспитанные, плохо еще организованные массы. Конечно, нельзя оставить их бессловесным стадом, они будут участвовать непосредственно в производстве, они будут постепенно входить и в партию, и через фильтр партии мы получим слои, которые будут «хозяйственниками», «государ-

ствеппниками» и т. д. Но начать тут же «срачивание», значит не поправить хозяйство, а его разрушить. Союзы — школа коммунизма, но нельзя позволять им учиться «стрижке» на «бороде» народного хозяйства. Нужно отдать хозяйство в руки профсоюзов лишь тогда, когда мы имеем серьезную гарантию контроля партии, авангарда, организованного, десять раз испытанного.

Перехожу к вопросу о школе коммунизма. Я приведу для начала только одно свидетельское показание тов. Бухарина из той же брошюры, которую я цитировал. На стр. 11 тов. Бухарин говорит: «Профсоюзы остаются сейчас школой коммунизма, — это правильно. И в недостаточном подчеркивании этого момента имеется ошибка тов. Троцкого». Тов. Бухарин полагает, что это ошибка, которая обошлась дешево позиции тов. Троцкого. Но мы полагаем, что ошибка в этом вопросе не может пройти безнаказанно ни для кого, ошибка в этом вопросе влечет за собой неизбежно целый ряд важнейших практических ошибок совершенно механически. Кто сказал А, тот скажет Б, кто допустил ошибку в вопросе о школе коммунизма, тот неизбежно в практической области допустит двадцать других ошибок. Вопрос о школе коммунизма есть центральный вопрос. Это вопрос о характере профсоюзов, о том, чем должны быть профсоюзы. Школа коммунизма, говорим мы, — это выражение принадлежит не кому-либо из авторов платформы «десяти», это выражение принадлежит Марксу, оно сказано много десятилетий тому назад. Маркс много гениально сформулировал, что теперь мы прилагаем к жизни. Я беру новую платформу тов. Троцкого ⁽⁶⁾, окончательную, смягченную и т. д. Здесь есть отдел «Воспитательная работа союзов», в скобках написано — «Школа коммунизма», но в нем ни слова не сказано о школе коммунизма. Говорится только, что следует поднимать производительность, трудиться и т. д., что бесспорно. Кто не понял задачи профсоюзов, как школы коммунизма, тот в этом вопросе проделывает массу ошибок. В полемике часто изображали так, что под школой коммунизма я понимаю «похоронное бюро». Под школой коммунизма на деле мы понимаем следующее.

Мы говорим, что перед нами советская страна, насчитываю-

щая по последней переписи 120 милл. человек, считая братские советские республики, входившие в бывшую Российскую империю. На эту громадную страну миллионов 6—7—может быть, меньше—пролетариата, большинство его теперь, худо или хорошо, организовано в профсоюзах; в партии полмиллиона человек. Вот вам три основные цифры, которые каждый из нас должен иметь в руках. Полмиллиона коммунистов на сто с лишним миллионов населения и 6—7 миллионов пролетариев, организованных в профсоюзы. Мы имеем перед собою рабочий класс с превосходными революционными традициями, проделавший две величайшие революции, но вместе с тем—рабочий класс, не имеющий достаточного организационного опыта и отсталый в своем культурном развитии по сравнению с западно-европейским пролетариатом, юный рабочий класс, который имеет не только все преимущества молодости, но и нехватки ее. Перед нами партия, молодая, складывающаяся в огне битв, имеющая полмиллиона человек, славнейшие традиции, но молодая, только что складывающаяся на наших глазах. И мы имеем безбрежную крестьянскую Россию, с захолустной деревней, запесенной снежными сугробами, неграмотную, рыклую, полную предрассудков, верующую в домового и т. п. Вот наша обстановка. Нам надо иметь социальную опору. Она есть. Это—несколько миллионов пролетариата. Его поголовно и надо организовать. В нашей партии нельзя организовать поголовно всех рабочих, это—авангард. Организовать поголовно пролетарскую массу могут профсоюзы. Товарищи, здесь есть рабочие, которые год-два тому назад сами были беспартийными,—вспомните, как это делалось в практической жизни. Возьмите типичного беспартийного рабочего, «сырого», у станка. Сначала он похож немножко на человека полуслепого: физически он зрячий, но политически полуслепой—он знает свою хату, свой дом, свой завод. И вы знаете, каким образом этот «полуслепой» человек становится постепенно зрячим после того, как он входит в наш производственный союз. Этот рабочий входит в производственный союз, подталкиваемый нами, мы немножко дубинкой загоняем его в рай. Мы хорошо делаем, что заставляем всех организоваться в профсоюзы. Он входит с предрассудками, но потом постепенно втягивается и на мелочах—сегодня на прозодежде, завтра на тарифах, послезавтра на помещении ребенка в больницу, на трудовой карточке, на другом вопросе постепенно начинает понимать, что надо

судить не только с точки зрения своего станка, своей мастерской, а надо судить с точки зрения всех рабочих данного завода, всего производства, с точки зрения рабочих данного города и всей России. Он принимает участие в выборах, затем его самого выбирают. Он видит иногда, что выборы были неправильны, делают перевыборы, подбирают, чтобы были настоящие руководители из рабочих. Он начинает видеть, что нет сапог. Почему нет сапог? Дело не в том, чтобы только критиковать Советскую власть, а в том, что — кожевенные заводы стоят. Почему заводы стоят? Потому что нет сырья. Почему нет сырья? Потому что нельзя подвезти. Почему не подвозят? Нет угля и т. д. На этом он учится.

Союз будет брать в оборот рабочего с юных лет и проводить до самого конца его жизненного пути, будет обслуживать во всех отношениях, помогая государственным органам, беря часто функции государственных органов на себя, давая интимную связь организации с рабочим классом. Союз дорог тем, что туда может войти партийный и внепартийный, грамотный и неграмотный, религиозный и нерелигиозный. Мы должны создать такие союзы, куда рабочий входил бы как к себе домой, и к нехваткам, которые есть в профсоюзах, относился бы так, как относится к нехваткам в своем собственном доме. Попутно рабочий в союзе слушает лекции, получает листовку, читает инструкции, брошюры и т. д. Но не в этом гвоздь. Основное складывается из того, что союз обслуживает жизнь рабочего, его быт как на фабрике, так и вне фабрики. В обстановке, когда хозяйственные задачи являются главными задачами, профсоюз отдает значительную часть сил этой работе — делу хозяйства.

Таким образом и получается производственное воспитание. Все это требует времени. Не месяц пройдет, не год, а гораздо больше, пока через широкие ворота профсоюзов мы соберем в это здание несколько миллионов поголовно организованных рабочих, а потом через более узкие двери они войдут в наш храм — в партийную организацию. Вот какое сочетание должно быть. «Школа коммунизма» не значит, что сидят семь миллионов учеников, выходит школьный учитель и читает им скучную лекцию. Это вздор. Мы имеем в виду школу коммунизма как массовую, поголовную организацию. Союз в основном обслуживает жизнь рабочего, его семьи на фабрике и заводе, во всех отношениях. Нет такой области, куда не должен заглянуть глаз

союза, главной рабочей организации; нет того вопроса, которым не должен заинтересоваться профсоюз и каждый его член.

Если так подойти к школе коммунизма, это на нас возлагает определенные обязанности. Мы говорим в наших тезисах, что школа коммунизма значит, что там завоевываешь влияние не наскоком, не «перетряхиванием», а будешь горбом работать, во всех повседневных вопросах и мелочах покажешь себя передовым рабочим: зайдет ли речь о прозодежде, о постройке нового дома, о больнице, о ремонте завода, о распределении премий, — ты всегда будешь самым деловым, самым грамотным, самым преданным, передовым, готовым к жертвам, самым дальновидным. Вот чем завоевывается влияние партии. Пройдет два-три года, десять лет — и партия завоюет безраздельное влияние, она будет иметь уже не 500 тысяч членов, а значительно больше. И тогда не поздно будет поставить вопрос о сращивании. Лучше в этом вопросе на пять лет опоздать, чем на пять недель поторопиться.

* * *

То, что нужно для дела, мы имеем сейчас. Государственных органов у нас — хоть отбавляй. Сейчас у нас так все регламентировано, что, извините за выражение, довольно трудно высморкаться, чтобы это не было предусмотрено государственными органами. На этот счет над нами нисколько не каплет. Хозяйственный кризис «каплет» — это так. Хозяйственная разруха может все загубить. Для производства необходимо сырье, топливо, железные дороги и, конечно, дисциплина. Но необходимо и еще одно, без чего остальное отпадает. Необходимо, чтобы рабочий класс или, как мы выражаемся «рабочая сила», чтобы одушевленная рабочая сила была настроена так, чтобы она действительно хотела нам помогать. А для того, чтобы в нынешней обстановке на хозяйственном фронте иметь одушевленную рабочую силу в надлежащем настроении, которая хочет нам помогать, для этого нужна рабочая демократия в союзах, нужны профсоюзы как школа коммунизма, нужна сложная система, как тов. Ленин сказал — система зубчатых колес, нужна такая организация, как профсоюзы, которые являются органами нашей диктатуры, но вместе с тем являются такой организацией, куда будут валом валить рабочие, как к себе домой.

У вас в Екатеринбурге есть эсеры и меньшевики, это зелье

не скоро выведется, они кое-где есть. Представьте себе на минуту, что мы пошли бы по тому пути, чтобы скорее сращивать, а сращивать — значит делать государственными органами. Я спрашиваю вас: если бы мы это сделали сейчас, что от этого эс-эры и меньшевики — проиграли бы или выиграли? Выиграли бы, несомненно! Я читал недавно их нелегальную листовку, в которой они зовут к созданию «независимых» беспартийных профсоюзов. Сейчас над этим рабочие смеются, но если бы мы союзы стали сейчас «сращивать», мы помогли бы эс-эрам и меньшевикам построить свои союзы и увести от нас громадную струю беспартийной массы. Нас 500 тыс. человек, которые доведут страну до победы, если мы будем помнить, что за нами идет тяжелая пехота беспартийных пролетарских масс, мало обученных, внепартийных, к которым надо уметь подойти. Нельзя взять это дело «на уру», нельзя так скоро «сращивать».

Вопрос о школе коммунизма не только вопрос слов: «я признаю это слово и ты признаешь», но надо из этого сделать практические выводы для партии, а не то, что бери, наваливай, «сращивай», руководи всем — и конец! Тогда-де и проблеме спецов и все остальное разрешим!

Мы отдадим все дело своим людям? Да, если бы мы их имели, если бы у нас было не 500 тысяч членов партии, а 2 миллиона, если бы процент неграмотных у нас в России был не так высок, как это есть, если бы мы имели не три года легального существования, а больше, если бы у нас не было крестьянской стихии, захлестывающей нас, словом, если бы советская Россия была иной, чем она есть, тогда мы могли бы «перепрыгнуть» ряд этапов. А сейчас это «сращивание» и «разрешение» при помощи сращивания проблемы спецов — это похоже на то, как сказал один питерский рабочий, — это похоже на строителя, который фундамент не заложил, первого этажа не построил, а проводит пальцем в воздухе и говорит: «приступаю к строительству следующего этажа».

Нет, ты сначала заложил фундамент, с этого надо начинать работу!..

* * *

Есть товарищи, которые бросаются из одной крайности в другую. Вы услышите здесь и третью платформу. Эти товарищи говорят: возьмем и отдадим все производителям! Вы-де

не имеете «доверия к рабочему классу», если не хотите отдать все дело в его руки. Это увлечение понятное и неизбежное. Как поветрие — оно пройдет; его припять всерьез нельзя. Сколько у нас в республике или у вас, передовиков уральских рабочих, фабрик и заводов, или шахт, про которые вы, положа руку на сердце, могли бы сказать спокойно: отдадим, как они есть, рабочим и служащим данного предприятия, «производителям», пусть они под общим контролем сами владеют? Таких фабрик и заводов раз, два да и обчелся. У нас есть заводы, на которых 5.000 человек, а в ячейке — 10—20 человек. Отдать завод им — значит остаться без руля и без ветрил, значит оказать медвежью услугу рабочему классу. Не тот маловер, который говорит: я хочу, чтобы все дело было организовано через пролетарский авангард — ибо Компартия — мозг рабочего класса. Рабочий класс растет быстро, не по дням, а по часам, но сейчас такое дело, как народное хозяйство, мы должны пропускать через его авангард, через передовиков профсоюзов. Поэтому мы не можем присоединиться к этой крайности. Основное заключается в том, чтобы мы сошлись на оценке профсоюзов, как школы коммунизма. Если мы сойдемся на этом, многое остальное приложится.

Правильно, тысячу раз правильно было сказано тов. Лениным: никто не может погубить нас, кроме нас самих. Если мы сами совершили бы крупные ошибки в области внутренней перегруппировки рядов, тут мы можем погубить самих себя. И подход к профсоюзам, который нам предлагают, как нечто новое, из благого пожелания, что это поднимет хозяйство, — этот подход принадлежит к числу тех ошибок, которые могут стоить нам головы, могут лишить нас той базы, при помощи которой одной только мы можем существовать. Эта база есть несколько миллионов поголовно организованных пролетариев. Надо помнить, что это — «место свято» — не в поповском смысле этого слова и креститься здесь нечего, а в том смысле, что это массовая, поголовная, «черноземная» организация, которую мы только что начинаем строить, к которой мы должны подходить бережно. Здесь необходимо семь раз примерить, прежде чем один раз отрезать. Здесь мы не можем производить опытов скороспелых.

* * *

Мы должны помнить, что в тезисах десяти мы подходим и к вопросу о работе в деревне. Не случайно в тезисах тов. Троц-

кого и его сдипомышленников вы не найдете ни одного места, где говорилось бы о работе профсоюзов в деревне. Это не случайно, они забывают эту «мелочь», что мы живем в крестьянской стране. Без того, чтобы организовать часть крестьянства, мы не можем окончательно победить. Эта «мелочь» не сходится с их чертежами. Раз срачивание — то где ж тут думать о деревне? В деревню мы только что входим. Союз работников земли и леса — слабый союз. Мы, говоря фигурально, стучимся в околицу деревенскую. Первые ходки наши еще только туда собираются пойти. Сколько мы еще встретим там непонимания, предрассудков! А деревня иногда смотрит еще на нас волком.

Пионер профессионального движения должен дожидаться отъезда из деревенской лачуги, должен заполучить первые группы крестьян и крестьянок, должен суметь поднять крестьянскую молодежь в деревне, вытащить из-под спуда новые живые силы. Мы не имеем еще никаких традиций профессионального движения в деревне. Почему об этом не говорится в тезисах тов. Троцкого? Потому что это не связано с вопросом о срачивании! Если подойти так, как подходим мы к массовой школе коммунизма, к той организации, которая даст доверие и связь с массами, послужит цементом, чтобы полумиллионный отряд коммунистов связывать с многомиллионной массой, — тогда нельзя забывать о деревне. Этого нельзя забывать. Забывать — это значит рисковать диктатурой пролетариата. Здесь мы стоим еще только у порога дела. Профессиональное движение начато в городе. Этот основной фундамент мы будем дальше развивать, строить и т. д. А в деревне мы только что подходим, там только начало дела. Когда мы будем иметь в деревне хотя бы миллион организованных членов, когда нам удастся увидеть несколько сот или хотя несколько тысяч работников профессионального движения из деревни — а ведь, товарищи, это будет целое событие, целый переворот в профессиональном движении, ибо у нас до сих пор еще нет этого, мы живьем не выдали ни одного работника профессионального движения из деревни; когда профсоюзы сумеют выделить через курсы, которые мы строим, хотя два десятка тысяч красных пиженеров и техников — для электрификации нужно иметь десятки тысяч электротехников из нашей среды; когда мы все это сделаем — тогда будет время подумать и десять раз взвесить, можно ли сделать шаг по пути «срачивания» и огосударствления профсоюзов.

До тех же пор у нас лозунг один: профсоюзы являются школой коммунизма, школой управления, резервуаром, который дает неиссякаемый источник сил всякий раз, когда партии и рабклассу это нужно. Партия будет черпать оттуда полными пригоршнями новых строителей, новых работников. А в этом гвоздь вопроса.

Мы чувствуем, что входим в новую хозяйственную эпоху, когда мы будем держать экзамен на экономическую зрелость для того, чтобы не только говорить о коммунизме, а строить коммунизм. Надо, чтобы полмиллиона строителей имели за спиной миллионы людей, которых они ведут, организуют, воспитывают. Другой школы, как школы профсоюзов, — нет. Профсоюзы и в городе и в деревне являются школой коммунизма. Мы полагаем, то, что мы сказали в наших тезисах и что совпадает с моим докладом, есть коллективный опыт профессионального и партийного движения. Крупнейшие центры нашей партии — Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск, Тула, Брянск, Баку, Ростов и целый ряд других городов, прислушавшись к обоим мнениям, громадным большинством поддержали нашу точку зрения. Эта точка зрения будет мнением нашей партии.

* * *

Товарищи, еще только два слова. Разумеется, не может быть и речи ни о каком расколе, ни о какой бы то ни было трещине в нашей партии. Все это вздор, который в ходе жаркой полемики иногда всплывает, как призрак, который пройдет, как мимолетное облачко. Нет такого преступника и безумца, который посягнет на единство железных рядов нашей партии. Среди обывателей идут разные разговоры: в Москве поп с амвона читал проповедь, как Ленин арестует Троцкого, а Троцкий — Ленина; в Петрограде рассказывали о разговорах — в Петрограде и в Москве сократили паек сначала на десять дней, а потом на большее количество, — вот и говорят: «видишь, Ленин, Зиновьев и Троцкий подрались, а нам паек сокращают». Конечно, пойдут разговоры не только среди обывателей. Дискуссия отвлекла нас от хозяйственной работы и стоила много, но другого выбора не было, раз встал спорный боевой вопрос. Нет другого выбора, как только услышать голос партии. Пора покончить с этим кризисом. В ЦК у нас по этому вопросу было 7 и 8 голосов или обратно — получилась как будто трагедия, безысходный

крпзис. Но попробовали перенести на обсуждение членов партии — и никакого крпзиса, никакой трагедии, а 90% высказалось за нашу точку зрения. В Московском Комитете было 14 за нас, 13 против и 1 воздержался — классический «крпзис»; в Вятке 4 — за Троцкого, 3 — за нас, а на общем собрании тысячи за нас и десятки за Троцкого. Нечто похожее было у нас. Это — секрет полишинеля. Когда спрашиваешь: где у вас живет «товарищ крпзис», оказывается, что «крпзис» живет на «Губкомовской» улице (7). Беды нет никакой, мы входим в новую полосу, это только встряска. Выбора другого не было. Но раскола отсюда не проистечет, как бы ни увлекались те или другие группы, — а случается увлекаться каждому, в том числе и мне, грешному, в чем я всенародно каюсь. Группа остается группой, а партия не проиграет, но выиграет от того, что вопрос решит не кто-нибудь, а партийный съезд после обсуждения всей партией. Недавно я прочел книгу белого офицера, по фамилии Раковский (случайное совпадение с нашим тов. Раковским, всем известным). Он описывает поход Деникина и нашу борьбу с ним. И действительно, на отдельном примере видишь гигантскую роль нашей партии. Когда у них бывали конфликты принципиальные или личные, кому командовать армией, какой план одобрить, какую продовольственную политику вести, — грызня безысходная, клочья летят, нет хозяина, который решил бы, один генерал хочет так, а другой — этак, а кто решит — неизвестно, и кончается дело заговорами, кукольными переворотами и т. д. У нас не так, у нас есть «хозяин». Этот хозяин — партия, партийный съезд, все организации и, как часть, вы все, собравшиеся здесь. Когда партия скажет свое слово, все послушаются, это будет законом.

Нужно, чтобы наша партия, когда капризничает та или другая организация, не боялась призрака раскола, а взяла быка за рога, разобрала бы вопрос по существу. В вопросе о профсоюзах мнение наметилось, и я прошу товарищей екатеринбуржцев поддержать ту точку зрения, которую поддерживали крупнейшие пролетарские организации. И пусть это решение станет законом для всех нас.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ Доклад т. Зиновьева на Екатеринбургском общегородском партсобрании от 8-го февраля 1921 года. Напечатан в газете «Уральский Ра-

бочий», ММ 30 — 32, от 10 — 12 февраля. В настоящем томе доклад печатается с некоторыми сокращениями.

²⁾ На первом съезде профсоюзов (7 — 14 января 1918 г.) присутствовало: большевиков — 273, левых с.-р. — 21, максималистов — 6, меньшевиков — 66, анархо-синдикалистов — 6, правых с.-р. — 10, беспартийных — 34.

³⁾ На заседании ПБ ЦК от 10 августа 1921 г., по предложению Преображенского, была создана комиссия в составе Крестинского, Преображенского и одного представителя МК для разработки проекта письма ЦК ко всем организациям по вопросу о борьбе с болезненными явлениями в партии (рабочая демократия, верхи и низы, равенство, о большей свободе критики и т. д.). 4-го сентября было опубликовано ЦК соответствующее письмо, предлагавшее местным организациям обсудить все болезненные явления в партии и наметить практические меры по оздоровлению партии к предстоящей сентябрьской партконференции.

Но последний вопрос — об очередных задачах партийного строительства был центральным пунктом порядка дня конференции. Несмотря на наличие сильных оппозиционных настроений, на конференции господствовало полное единодушие, и революция по докладу т. Зиновьева была принята единогласно. В основу ее было положено письмо ЦК от 4-го сентября и, таким образом, партия впервые конкретно, по деловому поставила и разрешила вопрос о расширении рабочей демократии внутри партии (вопросы о регулярной связи центра с местами, о верхах и низах, о воспитании новых членов партии, о радикальной очистке партии от примазавшихся и чуждых элементов, о материальном неравенстве, регулярной выборности и подотчетности и т. д.). Решения сентябрьской конференции по внутрипартийному вопросу вызвали в профдискуссии неоднократные обвинения различных оппозиционных группировок в том, что ЦК и «десятка» якобы демагогически выдвинули вопрос о расширении рабочей демократии в нашей партии в то время, когда ни международная обстановка, ни внутреннее положение нашей республики не позволяют этого сделать. В частности, эти же обвинения выдвигались большинством областного Уралбюро ЦК и Екатеринбургского губкома.

⁴⁾ 3-го февраля состоялось уральское областное совещание секретарей губкомов совместно с активными работниками приуральских губерний, созванное Уралбюро ЦК для обсуждения положения партии в связи с обострением дискуссии по вопросу о профсоюзах. Совещание приняло резкую резолюцию против большинства ЦК («десятки»), обвиняя его в отсутствии твердой и решительной линии по проведению профдискуссии, осудило обращение питерской организации ко всей партии, как попытку создать новый партийный центр, отвергло принципы выборов на съезд по платформам, выразило «свое глубокое возмущение огульным отрицанием частью членов ЦК методов и приемов работы, исторически неизбежных в эпоху гражданской войны и кризиса народного хозяйства», и решило, что на предстоящем съезде делегация уральских губерний должна выступать как единое целое. Подавляющее большинство совещания принципиально стояло на точке зрения платформы Троцкого.

⁵⁾ Речь идет о резолюции, принятой по докладу т. Зиновьева на первом съезде профсоюзов 10-го января 1918 г. Приводим то место резолюции,

к которому т. Зиновьев отсылал аудиторию: «Центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссоздания подорванных производственных сил страны».

⁶⁾ Речь идет о «Проекте постановления X Съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов», представляющем собою окончательную платформу объединения буфера с группой Троцкого и опубликованном в «Правде» 1-го февраля 1921 г. По поводу этого проекта Троцкий в своей статье «Усталый путник на молочной диете» писал следующее: «Теперь (конец января. — Ред.), когда группировки уяснились, мы сочли целесообразным противопоставить проекту резолюции 10-ти наш проект резолюции. Между первоначальной платформой (брошюра Троцкого «Роль и задачи профсоюзов». — Ред.) и выросшим из нее проектом резолюции теснейшая внутренняя связь. Разумеется, формулируя проект резолюции месяц спустя после опубликования платформы, мы учли всю развернувшуюся идейную борьбу, уточнили некоторые положения и придали всему проекту такую формулировку, чтобы как можно более облегчить всем товарищам уяснение как пунктов схождения, так и пунктов разногласия».

⁷⁾ Профсоюзная дискуссия на Урале и, в частности, в Екатеринбурге протекала в очень болезненных формах, благодаря резкой линии поведения Екатеринбургского губкома и Уральского Бюро ЦК, которые были против «десятки». Началось с того, что и губком и бюро признали ошибочной «по тону» московскую дискуссию 30-го декабря в Большом театре и постановили никаких материалов о ней не помещать в местной печати. Созванное Уралбюро совещание секретарей губкомов приняло резкую резолюцию, направленную против ЦК (см. примеч. 4-е к данному докладу), в которой обвиняет ЦК в том, что «небывалый кризис», возникший в партии, «застал ЦК совершенно неподготовленным к борьбе с ним». Обращение екатеринбургской горпартконференции ко всей партии, принятое 9-го февраля, так характеризует создавшуюся обстановку на Урале: «Губком партии в своем большинстве высказался за платформу Троцкого. Он вел против другой точки зрения непримиримую борьбу, литература направления десяти почти отсутствовала, доклады Ленина и Зиновьева нашим сторонникам приходилось перепечатывать на гектографе, наша газета «Уральский Рабочий» велась совершенно односторонне. Вместе с тем Екатеринбургский губком всеми силами пытался представить дело так, что голосование за платформу десяти будто бы создает неразрешимый кризис в нашей партии». Это обращение вызвало ответное заявление в печати и в ЦК губкома и группы уральских работников, опровергавшее сообщаемые факты (подробнее см. календарь профдискуссии). Приезд Зиновьева и Троцкого на Урал вызвал новую вспышку горячей дискуссии. Дискуссия завершилась на екатеринбургской губпартконференции (18 — 22 февраля) принятием подавляющим большинством платформы «десятки» (159 голосов — против 34 за тезисы Троцкого и 14 за тезисы рабочей оппозиции) и полным обновлением старого состава губкома.